

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Надежда Петраковская

Пещера Трёх Братьев

Надежда Викторовна Петраковская

Пещера Трёх Братьев

Серия «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40159924
Пещера Трёх Братьев: Детская литература; Москва; 2018
ISBN 978-5-08-005969-8

Аннотация

«Пещера Трёх Братьев» – это история о появлении Человека разумного, о выходе из темноты каменного века на свет: к творчеству, фантазии и быстроте принятия решений. Герои – трое мальчишек разного возраста и девочка-подросток – не просто в поисках пристанища на зиму, они на пути к новой жизни, к новому мышлению.

После разрушительной и смывшей все на своем пути огромной волны от целого племени остаются только трое братьев, которые случайно спасаются в горах. Мальчики попадают в плен к кровожадным врагам, выбираются из мрачного болота, находят неожиданных союзников и становятся родоначальниками нового племени.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О Конкурсе	6
Пещера Трёх Братьев	10
Глава 1. Гибель рода Беркута	11
Глава 2. Одни	21
Глава 3. К зимним зимовьям	26
Глава 4. Добыча	30
Глава 5. В долине Ядозубов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Надежда Петраковская

Пещера Трёх Братьев

© Петраковская Н. В., 2018

© Ионайтис О. Р., иллюстрации, 2018

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2018

* * *

О Конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри:

взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличают актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

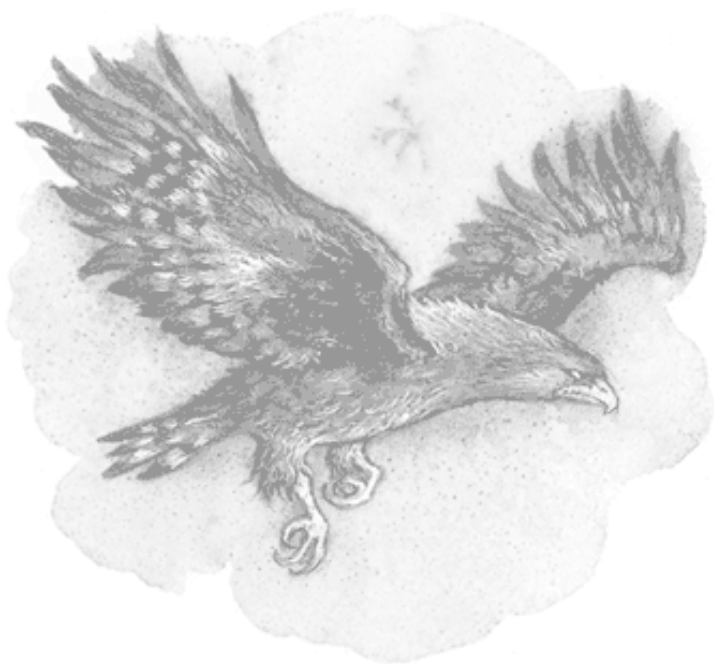
С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. На начало 2018 года в серии уже издано более 30 книг. Готовятся к выпуску повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

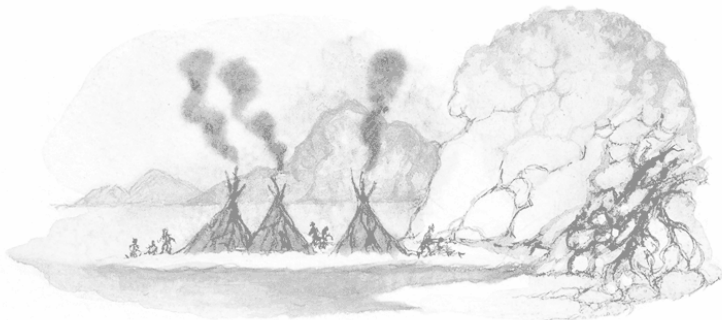

Пещера Трёх Братьев

Историко-приключенческая повесть

Глава 1. Гибель рода Беркута

Тихо начался день, и никто не ведал беды. Пропыленными шкурами плыли по небу тучи, застилая раскаленный очаг в Небесных Пещерах. И старая Шептала – мать Беркутов – с утра скрипела по стойбищу и каждому сородичу ведала в раскрытое ухо, где он должен спрятаться в полдень.

Три дымостава чадили у Большой Воды. На широкой отмели, играя с тихим приливом, уже вовсю носились маленькие загорелые глупыши, еще не пережившие седьмую зиму. И к ним подошла старая Шептала и сказала, что в стойбище готовится тайная «веда» – колдовство над больным и шуметь глупышам запрещается. И отогнала от Большой Воды.

Отмель кончалась внезапно, у крутых гор, поросших кри-выми соснами. Много здесь было поваленных и обрушенных

с высоты деревьев, уже почерневших от вечной влаги. О, не хотела бы Шептала со всем своим родом оказаться тут в пору снеготаяния! С каждой новой откочевкой вдвое больше стволов громоздилось у подножия гор и шевелилось в красной воде залива.

У вздыбленных корней большой сосны корчился Шестипал – самый удачливый охотник рода. Глаза его были крепко заперты болью.

Он умирал в свирепых муках, но крепкая грудь не издавала стона, как и подобает раненому Беркуту.

В предлетье, в пору обдирания рогов у зрелых оленей, покинула Шестипала удача. В схватке с матерым быком повредил левую руку – ту самую, на которой с рождения было шесть страшных перстов. Лишний мизинец тогда отсекли сразу – и это помогло Шестипалу стать лучшим добытчиком рода.

А теперь он лежал на спине, связанный просушенными сухожилиями, скрученными в плетеный потяг, и хрипел, не показывая налитых кровью белков. Огромная и черная левая рука отброшена подальше от тела, словно чужая. И сочтется из раны не кровь, а мутная желтоватая хворобь. Капля за каплей, капля за каплей.

Это Еловник разгневался, лесной дух, и наказал Шестипала, утаившего от него часть тяжелой добычи. Добычи, которая поставила на ноги всех отощавших в долгий буранник сородичей.

Старуха нагнулась над раненым. Еще один Беркут покидает род, и без того оскудевший. Она уже пыталась спасти его: бросала в кострище заговоренные кости, призывая удачу худыми руками. Не поднялся Шестипал, и кровохлебка-трава не помогла. И кровь молодых лосят не впрок. Не оставляет свою жертву Еловник – вечно молодой старец с ногами крепче сосны!

Осталось одно. Последнее.

Старуха взглянула на руку, точившую яд. Нельзя держать в стойбище охотника с гнилой раной. Беркутам пора подниматься вверх, к Зимним Зимовьям. И руку отрубить нельзя – не летают беркуты с одним крылом. Остается тайная «веда» – та, которой учила ее прежняя мать рода. Тайная...

Если сородичи укроются в ближних расщелинах, они все равно увидят «веду». Шестипала следует перенести поближе к дымоставам, кострищу и Большой Воде.

Еще нужен охотник – молодой, только что надевший пестрый охотничий пояс. И чтоб взял глупыша-шестилетку и выростка, не прошедшего Обряд, и чтобы шел с ними на Холм Первой добычи, где живет несговорчивый дух Леса. Пусть отдает глупыша или выростка (лучше – глупыша) самому Еловнику, и тогда смилостивится зеленый старец с молодыми глазами, и самый добычливый Беркут вернется к Зимним Зимовьям.

Сзади, неслышно ступая, уже подходили охотники.

«Тихо крадутся, как рысь!» – с удовольствием подумала

старуха.

Сам встать Шестипал не мог, привязали к мощному корню елового выворотня. И дотронуться до больного нельзя – хворь переходчива. Охотники сели поодаль и стали глядеть, как Шептала отдаёт последние распоряжения.

Стих ветер. Духота – необычная, мертвая, вяжущая – затекла в залив.

На берегу, у самой воды Шептала вогнала глупышей в стаю. Много дней пройдет до летней кочевки. Дней голодных и пасмурных, сырых, с дождями и листобоем, снегом и вьюгой, когда лишь матёрый и яростный лютовей охотится в горах. Вот и не терпится глупышам: строят рога из загорелых пальцев и оленятами плюхаются спиной в прибрежную отмель, отчесывая шкуру.

Шестипал открыл глаза – и зрачки его прояснились. Низким голосом косматого гривача, врага хитрых пчел, он сказал, глухо выплевывая слова:

– Уходите. Все уходите. Опасность. Большая беда.

Охотники переглянулись. Первый из них, Остронюх, прошептал:

– Взгляни на рану, Лобач! Как будто там спрятался ядозуб. Смотри. Она шевелится изнутри!..

Ответом ему послужил хриплый стон Шестипала. Он пытался приподнять голову, но сплетенные потягом сухожилия оказались крепче.

– Остронюх! – прошипел он, будто и впрямь поселился в

нем скользкий и гибкий ядозуб. – Поднимай род, Остронюх! Уходи к Зимним Зимовьям. Позови мать рода!

Но сама Шептала приказала Остронюху сидеть и молчать, пока она не призовет его. И он не смеет ослушаться!

Все же он поискал ее глазами. У ближнего к Большой Воде дымостава мать рода – старая Шептала, широкая в бедрах и ступнях Беркутиха, наставляла совсем молодого охотника, вчерашнего выростка Убейтура. Убейтур слушал, почтительно склонив голову, украшенную маховым пером беркута, вплетенным в узкий налобник. Он был в сшивниках¹, и оттого его мускулистые ноги издали казались заросшими шерстью. Обнаженная и черная от летнего жара спина и плечевые бугры блестели от неровного света кострища. В прошлую осень он один вышел из Пещеры Второго Рождения и перенес все положенные по Обряду испытания. Из темных пещер он вышел настоящим охотником, а двух его братьев-выростков пещерная тьма скормила страху.

Остронюх и Лобач видели, как легко, словно перышко, помчался молодой Убейтур к своему дымоставу, как вооружился копьём и потряс им, созывая беркутят по именам: «Чун! Рик!»

– Идите за мной. Остальные – прочь!

– Зачем ты берешь их? – громко, на весь залив, прокричала хроменькая глупышка. – Чун и Рик всегда дерутся, возьми меня!

¹ **Сшивник** – обувь из двух продолговатых шкурок норки.

Убейтур что-то сказал в ответ, но Лобач и Остроных не расслышали. И вскоре молодой охотник исчез с младшими братьями в узкой, непроходимой с виду, пасти ущелья.

Старая Шептала приблизилась. Еще далеко до полудня. Небесный очаг раскалится нескоро.

Села в песок у корней выворотня. Серая морщинистая кожа на лице ее скрывала крохотные, но очень пронзительные глаза, всегда беспокойные, как у старого лиса.

Шестипал забил ногами, пытаясь освободить туловище.

– Уводи род, Шептала, – сказал он, силясь скинуть путы.

– Лежи.

Шептала набрала в горсть песка и швырнула себе в лицо, крепко зажмурив глаза. Свет небесного кострища освещал ее всю, худоремную, с впалой грудью родомахи, выкормившей половину рода. Тихо она говорила:

– Я знаю, чем тебе помочь. Мы давно живем на свете: Еловник и старуха Шептала. Роду нужен добытчик. И никто, кроме тебя, не знает так хорошо тропу к Вепрям, где мы берем себе жен. Не будет жен – не станет приплода. Дух Леса получит достойную добычу...

– Дух Леса помутил тебе разум!

Старуха наскребла песок и швырнула его в почерневшее лицо Шестипала.

– Сегодня ты получишь новое имя. А старое умрет вместе с хворью. Недолго осталось, терпи. И не гневи Духа!

– Скажи, хранительница очага и всех Беркутов, – еле

слышно откликнулся Шестипал, – разве когда-нибудь ты дышала у Большой Воды так тяжело, скажи?

– Ты, охотник, боишься боли? – прикрикнула Шептала, оборвав его речь. – Остроноух, Лобач – к дымоставам!

Она выждала, пока охотники отойдут на полполета копыя, и повторила в наступившей тишине:

– Ты бежишь боли, отважный Беркут! Ты думаешь, что она сделает тебя глупышом. Твое крыло останется при тебе. И ты еще поведешь наших охотников к Орлиному Утесу, где живут полуродичи наши, Вепри!

– Что ты задумала?

Старуха промолчала. Она подняла вверх маленькую косматую голову, и морщины на челе разгладились: там, высоко в горах, четко различимые на светло-желтой осыпи обрыва двигались три крохотные тени. Убейтур спешил к духу Леса.

Сородич окликнул ее. Шептала бросала песок себе в грудь, но жара и какой-то незнакомый окоченевший воздух не освежали. Тревога вползла в тихий залив, на Красную отмель.

– Зови охотников, – сказал Шестипал странно свистящим, как у серны² в миг опасности, голосом. – Позови... Брех-загонщик, Нерод-древолоз, Шмель-шкурочес... Пусть все идут.

Казалось, Шептала раздумывала. Не торопясь встала и всмотрелась в нависшие над заливом скалы. Что толку, ес-

² Сёрна – горный козел.

ли Шестипал и расскажет охотникам, где пролегает тропа к Вепрям? За родным гнездовьем лежит Долина Ядозубов. Если сумеют пройти ее – наверняка уж попадутся в самоловы людожорам, живущим на острове.

Дорого ей достанутся весной молодые здоровые Кабанихи! А род и так на исходе. Достаточно одного сородича, чтобы сосчитать по его пальцам на руках и ногах, сколько всего осталось Беркутов.

– Шептала, помоги мне!

Никогда прежде не доводилось старой матери Беркутов видеть подобное: и еловый ствол, и сам Шестипал, и песок вокруг Шестипала кишели и шуршали гадами... целое стойбище песчаных и водяных тварей ринулось в горы!..

Словно очнувшись ото сна, заметалась старая Шептала – и насмерть перепуганная ящерица, вспрыгнув по стертому меху, зарылась в ее волосах. Тонко и надрывно закричала старая Беркутиха, и бросилась к дымоставам, покрытым сухими водорослями. А под ногами ее нескончаемой кочевкой двигались полчища мелких ядозубов, суетливых ящериц и прочей дремавшей в тени и прохладе живности. На берегу бестолково сновали растерянные Беркутихи, созывавшие своих глупышей. На ходу выхватив прислоненный к жерди дротик, старая Шептала ринулась в обезумевшую кучу живых спотыкающихся тел и, нанося удары куда попало, гнала сородичей к горлу ущелья. в тихие дни неповоротливая, а нынче разъяренная молодая Беркутиха с большим живо-

том схватила Шепталу за плечи и с силой швырнула лицом к Большой Воде.

Мать Беркутов оцепенела и замерла, чуть покачиваясь, – как цепенеет и замирает тяжелое двуручное копьё в остывающем теле зверя.

Большой Воды не было! Она уходила, оставляя безмолвный берег. А Беркутята... Они весело бежали за уходящей водой, и разгневанный дух морской уводил их с собой навсегда.

И подняла старая Беркутиха окаменевшие от горя очи на Холм Первой Добычи. Там, наверху, на дальней, предельной скале уже поблескивал, отражаясь в нестерпимых лучах Небесного Очага, самый большой, тонкий и тщательно заостренный кремневый наконечник на копьё Убейтура. В пору Спящего Гривача сделал этот наконечник лучший кремнебой рода – невысокий молчаливый Смел. Дух Камня и Горы поселился в этом наконечнике. И сейчас Убейтур ждал Сигнала.

Старая Шептала беспомощно опустила на сырой, тихий песок. Зачем-то набрала его в худую ладонь и стала жевать. Она не видела, что за спиной. Она знала. Знала, что до неба, вровень с макушкой Холма, встала крутая и несокрушимая водяная твердь и вместе с рыбами, птицами и глупышами поглотит ее род.

«Боль сделала Шестипала зрячим!»

Она вытащила из волос запутавшуюся там ящерицу, при-

жала ее к груди. Она сразу оглохла. Сильный, непрекращающийся гул дохнул на скалы в Красном заливе и отпрянул, как раненый зверь.

Еще старая родомаха говорила, прежде чем передать ей род под крыло: «Ничего не бойся, кроме Духов и водяного Щита! Он зальет огонь в нижних очагах. Потом спрячет скалы и горы. расвирепееет – и мало еды! – водяным копьём затушит Небесный Очаг. И Очаг зашипит – и погаснет...»

Глава 2. Одни

Лишь на пятый день вода стала спадать. Словно дух воды – многорукий Плещ открыл невидимый заплот³ и с ти-

³ **Заплóт** – невысокая плотина, преграда.

хим шуршанием повлек волны в подводные пещеры. Обнажились верхушки сосен. Вода неохотно отпускала горы, забирая с собой добычу. Огромные, лишённые корней деревья срывались вниз, взбаламучивая мутные предосенние волны. Холодный ветер свистел в ущельях.

Белая шкура тумана закрыла тропы, и Убейтур до боли в глазах всматривался в молочную дымку. Он забрался на большой валун. Холод четырех ночей ожил в нем, короткий стремительный озноб сотряс тело. Он закрыл лицо руками, чтобы, когда уйдет туман, не видеть пустой отмели... Той самой отмели, где еще недавно ютились прикрытые пологами дымоставы.

Разгневался Небесный Очаг – кто-то из оставшихся в живых хранителей огня бросил в кострище заранее припасенные сухие ветки. Острый, как дротик, луч пробил живую шкуру тумана.

– Убейтур! – позвал маленький Чун. – вода уходит вниз! Скоро мы будем есть горячее мясо и собирать выплески на берегу Большой Воды.

– Замолчи!

Как объяснить глупышу, что пока есть надежда – говорить о сородичах не стбит. Но Чун не унимался. Он толкал спящего Рика, щекотал ему ухо обглоданной заячьей костью, но Рик спал крепко. Всю ночь, под неусыпным надзором Небесных Стад, он вглядывался в необозримую живую толщу – и первым заметил отступление воды. Рик спал и во сне ви-

дел себя не робким выростком, а заново рожденным охотником, добытчиком рода. Через две, самое большое – через три зимы он пойдет в Пещеру Испытаний... и выйдет оттуда суровым, немногословным охотником, и Шестипал затянет на нем охотничий пояс, старая Шептала протянет налобник, украшенный маховым пером Предка.

А Чун – просто глупыш. Ему даже не полагалось стоять в ночных дозорах: все равно устанет, все глупыши – сурки и сони!

– Давай спустимся, Убейтур! – канючил маленький Чун. – Я соберу много выплесков и брошу в кострище, а когда костяные ладошки раскроются...

– Да замолчи ты, щен!

В сердцах Убейтур запустил в брата камешком. Чун обиженно замолчал, но ненадолго. Туман рассеялся. С болью и гневом глядел Убейтур на охоту многорукого духа Воды.

Словно ободранные туши, теснились в унынии голые скалы, усыпанные несметным поголовьем грызунов. За раздвоенной сук зацепилась, да так и повисла молодая косуля, не успевшая стать матерью. Лесной кот с раздутым брюхом медленно съезжал по влажной осыпи – и рухнул в ущелье. Сколько вокруг дичи... Мертвой дичи – падали!

Убейтур растер себе грудь и руки. Жаль, что он не захватил плечегрей. И братья дрожат. Там, в ущелье, крутой завал из длинных стволов, преграждающих путь на Красную Отмель... Дымоставы. Неужели нет ничего – ни дымоставов,

ни доброй ворчливой Беркутихи, ни... страшно подумать! Всего рода?!

Убейтур тихо застонал от тоски, обхватив на миг голову. И тут наконец проснулся Рик. «Вот и все, что осталось от рода Беркутов», – вдруг четко и ясно сказал себе Убейтур. Он же не глупыш. Он понимает. Вот и сейчас, пока Рик пляшет от утренней сырости, он понимает, что от той волны спасения внизу не было. Рик под взглядом старшего брата остановился и подошел к краю пропасти. Брезгливо спихнул легкоступом⁴ тушку мертвого глухаря.

Он сказал, стараясь подавить дрожание в голосе:

– Вода ушла.

Он пересек макушку холма и бесстрашно глянул на отмель. И сжалось его сердце, и взмыло высоко, чтобы обрушиться сверху на скалы, больно раня себя. Даже стволов не было на отмели. И сама она стала уже и острее – как рысье ухо.

Крепкая ладонь старшего брата легла и прижала Рикку темя: так Беркуты выражают клетот отчаяния.

Еще миг – и Рик заревел глупышом. В горьком, скорбящем вое тряслись худые черные плечи. И тонко, по-заячьи откликнулся ему Чун в смертной тоске. А старший их брат Убейтур распахнул руки-крылья, и словно тень от умирающего беркута заскользила по низкой траве. «Где вы, сородичи? – слышалось в погребальной тоске. – Где вы – Нерод,

⁴ **Легкоступ** – легкая летняя обувь (прообраз лаптей).

Шестипал, Остронох? Где матери наши и ваши жены – выносливые Кабанихи, где очаги наши и кто ест на Верхних кострищах молодое оленьё мясо?..»

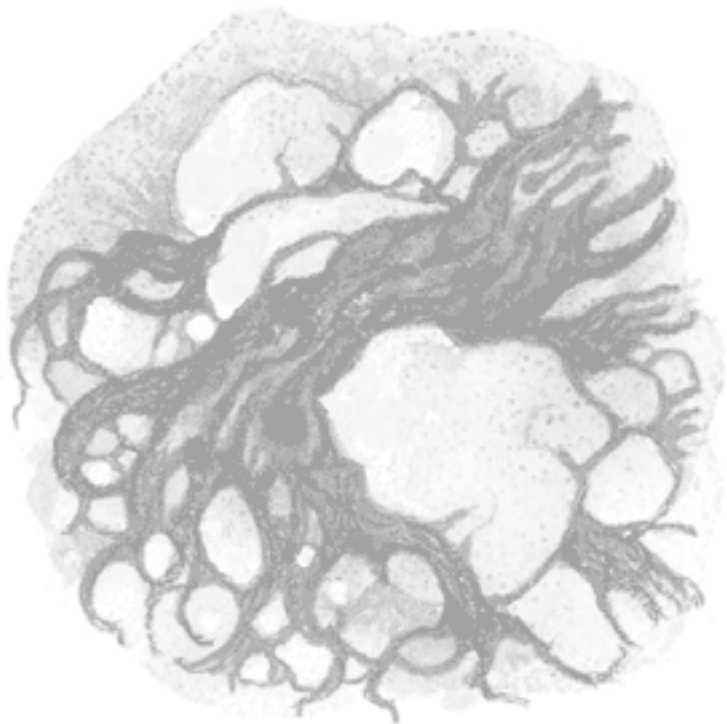
И неотвратима, как смерть, перед глазами Убейтура страшная правда: стена водяная, глупыши плещутся у ее подножия, матери бегут за глупышами, а старая Шептала все медлит и снизу не подает ему тайного знака. И Чун никогда не узнает, что означал этот знак.

Внезапно он оборвал танец и сложил руки-крылья, спрятав под ними братьев.

И когда затихло все, вплоть до дуновения самой слабой былинки, Убейтур сказал:

– Пока жив хоть один Беркут – род не погиб! Мы идем к Орлиным Гнездовьям!

Глава 3. К зимним зимовьям

В Ущелье Каменных Куропаток Рик повеселел: за ущельем журчит ручей, поднимается знакомая веселая осыпь и ждет сухая пещера – родовое гнездо Беркутов. Там они жили, выводили птенцов-глупышей и жарили мясо на двух оча-

гах – материнском и охотничьем.

Есть там навес из легких прутьев, где Смел-кремнебой отсекал от ядрищ и вытачивал охотничьи наконечники для копий и всё, что нужно для быстрой очистки незадохнувшихся шкур.

И еще радовался Рик, что наконец-то выспится в безопасности. Есть в родовой пещере отнорки – узкие низкие логовища, просверленные от материнского очага и хранящие тепло чадающих, но зато теплых костей. Это место – для промерзших на охоте добытчиков. Но нет теперь добытчиков. Он сам заберется в теплую шкуру, закроет глаза и... взвояет.

Неужели их только трое в мире: Убейтур, Чун и Рик?

А другие стойбища? Неужели вода затопила их?

Рик спросил об этом брата.

– Вода пришла далеко в горы, – ответил Убейтур. – Я видел на обрыве лесного кота. Лесной кот живет в прибрежных зарослях у Озера Белых Птиц.

Лесной кот – это не рысь, что ходит повсюду. И на Озере Белых Птиц Рик не был ни разу: там живут людоеды – и подросткам в тех местах делать нечего.

Словно сдвинуло стены Ущелье Каменных Куропаток: дно по грудь забито стволами, камнями, ветками. На каждом шагу попадалась мелкая палая дичь – и Убейтур спешил выбраться. Души мертвых сородичей преследовали его. А когда их целое стойбище – они могут начать охоту.

Маленький Чун ободрал ногу об острый сук, и охотник та-

шил его на заливке, Рик нес копье. Это было их единственное оружие, не считая кремневого ножа у старшего брата, и Рик держал его цепко.

К вечерним лучам они вышли из проклятого ущелья, где было темно и страшно, а в распадах сторожили тени загубленных предков. Меж редких скал петляла тропа, она уводила к Родовым Камням. И здесь были разрушения, и в воздухе витала тревога. Словно кто-то огромный смешал, играючись, знакомые скалы и швырнул их с неба из мокрой горсти.

Хвосты тьмы ползли за ними из оставленного ущелья и шевелились на вздыбленной и перемешанной земле. Убейтур снял глупыша с усталых плеч, взобрался на обломок скалы и долго всматривался в густые сумерки. Раньше отсюда было видно, как горит родовой Огонь... А сейчас вход в пещеру завален – Большая Вода и здесь мстит.

– Я хочу к огню! – захныкал Чун. – Мяса горячего хочу. Зачем ждем, Убейтур? Я худой на одной крови.

... Там, на вершине Первой Добычи, Убейтур кормил братьев свежей кровью мелкой дичи, которую в избытке поставляла на Холм волна из нижних долин. Сам он ел сырое мясо, как и подобает охотнику. Все охотники едят сырое мясо, чтобы запах продымленной пищи не отпугнул выслеживаемую дичь. Но глупыши и выростки болеют от сырого, им нужно есть в пещерах, где есть огонь, или пить кровь на переходах.

И Рик, и Чун отощали за последние дни, но там, в пещере,

их ждет родовой очаг, и Убейтур заставит его ожить. Даже если вода проникла в пещеру, кремень и горючий камень, сыплющий искры – огнесил, должны сохраниться в надежной, рубленной в скале яме. Им нечего бояться холода и темноты. Утром Убейтур пойдет на охоту – и голод забудет к ним тропу.

Но даже эти радостные мысли не могли изгнать из сердца тревогу. Виной всему, видно, тот самый валун, что загородил вход в пещеру.

– Оставайтесь здесь! – приказал старший брат.

Рик запросился с ним, Убейтур отшвырнул его сердитым взглядом.

– Теперь я для вас и Беркут, и Беркутиха! Следи за братом.

И Рик подчинился. Без Убейтура, знающего обряд посвящения, он никогда не станет охотником. А если не станет охотником, навсегда останется выростком и, как девчонка-крутеня, будет стоять у очага на коленях, дуть в светлый мох, визжать от страха при виде пучеглаза, плетущего свой бесконечный потяг в углу пещеры, и есть глину.

Глава 4. Добыча

Убейтур спустился по мокрому обрыву и через неширокий родовой ручей пробрался к подножию осыпи.

Стемнело, когда он тихо, как рысь, подкрался к вырван-

ному из земли валуну, каменное ребро которого поросло зеленой тиной. Валун был огромен, он почти наглухо закрывал пасть пещеры, оставив с краю небольшой лаз – в рост и ширину взрослого охотника.

Убейтур хотел было скользнуть внутрь, но вдруг будто окаменел – и сам превратился в скальный выворотень.

В родовом гнезде слышался плач! Убейтур задержал дыхание, волосы на его голове зашевелились, он послал всю силу в руку, сжимающую копье. «Духи предков в пещере, все души умерших сородичей – тех, кого поглотила Вода!»

И сейчас они вернулись в свое гнездо и плачут, оглашая камни. И старая Беркутиха легко ступает между ними – и ждет его, Убейтура, чтобы забрать и увести к небесным стадам. Не должен разлучаться род.

Убейтур сорвался с места и одним прыжком очутился в безопасном углублении под валуном со стороны северного ветра. Охотничья выучка спасла его: сам оставаясь незаметным, он увидел врага вживую.

Под сводом пещеры стояла девчонка. Она была младше Рика, но гораздо старше Чуна. В руке – пустой олений желудок. А шкура подвязана двойной сухожилкой.

«За водой послали. Неужели одну?»

Убейтур подождал, не выйдет ли кто-нибудь следом, но вокруг безмолвно спала ночная тишь, и лишь из пещеры по-прежнему доносился тихий, заунывный вой скорби.

Девочка повернулась к нему спиной и, волоча по осыпи

узкий темный хвост, стала осторожно спускаться к воде.

«Хвост!»

Убейтур почти слышал, как гудит от гнева кровь, как тяжелеют веки от сладкого предчувствия мести. Он ощерил копые на изготовку и злобно глядел, как тихо и уверенно входит в поток двуногая дичь... Как он ошибся! Принять писк Водяных Крыс за могучий даже в скорби жалобный клекот угасших Беркутов!

Он шел за дичью. Он крался за ней тихо, как тень, и был ее тенью, повторяя все ее движения.

Жалкая Крыса! Она хочет жить в пещере Беркутов – Беркутов, покоривших вершины и стороной облетающих падаль!..

Он уже наметил точку удара – меж двух крысиных лопаток. Но что-то мешало сделать последний взмах.

Что?!

Убить врага на своей земле – право каждого Беркута. И если бы сейчас его род был цел, он, не задумываясь, сделал это. Но рода нет. И одному ему отстоять пещеру не удастся. Даже если в родовых камнях затаились одни матери-Крысы, а охотников смыла вода, он ничего не сделает в одиночку. Матери загрызут его, и сработанное Смелом копые не поможет.

Убейтур ведал: самое страшное, что знает охотник, – это не слаженный бег серых пустынников, пожирающих любую плоть на своей тропе и воющих в безглазые глухие ночи за

дальними холмами; это даже не высеченный намертво в памяти нескольких поколений Беркутов грозный и все затмевающий топот длинноносых хоботарей, живущих в низинах. Самое страшное, что есть на свете, – это стойбище разъяренных матерей!

А как же Рик и глупыш? Они погибнут одни.

И он глядел с содроганием ненависти на маленькую Крысу, и копьё плясало от возбуждения, но Убейтур – охотник, он не может думать только о своей жизни.

Маленькая Крыса нагнулась над ручьем, подставляя для удара беспомощную узкую спину. Вода затекала в желудок, она помогала ей черной ладошкой. И вдруг ее позвали.

Она резко выпрямилась и обернулась. Убейтур увидел перекошенный от страха рот и всей кожей почувствовал неродившийся крик... В один миг он прыгнул к девчонке и, зажав ей рот свободной от копья рукой, подхватил – и с ловкостью белки стал карабкаться на противоположный берег.

Он преодолел ручей в один дух – и прыжками стал уходить с добычей вверх по склону. Добыча трепетала в его руке, но он крепко стискивал ей зубы и, не разбирая троп, мчался к братьям.

В отдалении уже слышались голоса: глухие – охотников и хрипло-звонкие, принадлежащие матерям. Такие звуки издают перепуганные крысы, если схватить их за горло и начать потихоньку сдавливать.

Обдирая руки и ноги в ночных кустах, Убейтур облетом проскочил вокруг первых скал и, на миг обманув погоню, выскочил на холм перед обомлевшими братьями.

– Хватай Чуна! Быстрее! – крикнул он на бегу Рик у и, не останавливаясь, стал спускаться по темному, с острыми камнями откосу – туда, где ждала полная опасностей Долина Ядозубов. Он знал, что впереди, но сейчас важно было продержаться хотя бы эту смертельную ночь.

А погоня настигала. Легкий дротик просвистел совсем рядом и с коротким хрустом впился в ствол ели. Деревья пошли гуще, и мощные сучья спасали беглецов от пущенных вдогонку копий. Гора заметно снижалась и шла на убыль – и вдруг оборвалась неожиданной крутизной. Убейтур скатился с добычей к ее подножию. Следом съехал Рик, волоча за руку брата. Чун вскрикнул, и тут же лес копий обрушился на его голос. Но густой, как щетина вепря, подлесок сохранил братьям жизнь.

Ощупью пробирались беглецы на зов Убейтура, охотника-Беркута. Рик оглянулся и в просвете между деревьями заметил рассерженную родомаху Крыс: огромная, грузная в черноте ночи и сама похожая на дух Тьмы, она хищно озирала склон, пытаясь в глубине его вынюхать похищенного сородича. В косматых руках она держала оружие матерей – кость лося-горбоноса. Костяные эти дубины были схоронены в глубокой яме у заднего свода пещеры Беркутов.

Старая Крыса чутко прислушалась – и метнула во тьму свое оружие, способное поразить на бегу молодого самца-оленя.

Девчонка закопошилась в руках Убейтура, ребром ладони он ударил ее по затылку. Она затихла. Охотник смочил своей слюной искусанную ладонь и подозвал Рика.

Впереди глухо шумели травы – высокие, в полтора копыя. «Крысы не сунутся в эту долину», – подумал Убейтур.

Как говорил Шестипал, они оказались «между вепрем и гривачом». Сзади, на еловом склоне, ждали молчаливые Крысы. Впереди, съеденная тьмой, шевелилась таинственная и опасная Долина Ядозубов.

Глава 5. В долине Ядозубов

Убейтур не спал всю ночь, но, как он и думал, Крысы побоялись спускаться в долину. Или вернулись в свою (чужую!) пещеру, или решили дожидаться утра.

Слабо разгорался Небесный Очаг. К утру холод стал уползать в норы, и вся долина окуталась туманом. Это было на коготь Беркутам.

Чун и Рик всю ночь спали обнявшись, а захваченная Кры-

са рано утром попыталась откатиться в сторону, но связанные руки не пустили ее. Убейтур подошел и ногой зашвырнул девчонку на место.

Он думал о том, что делать дальше. Возвращаться, чтобы Крысы получили пернатую дичь, пойманную в охотничьи силки?.. Но и через долину он никогда не ходил: Беркуты предпочитали облетать ее стороной – сквозь Ущелье Каменных Куропаток. А ущелье сейчас закрыто.

И оставаться нельзя: когда туман рассеется, Крысы сделают попытку отбить пленницу.

Убейтур растолкал братьев. Рик вскочил сразу, а Чун по привычке глупышей стал скулить безмозглым щенком, что хочет спать, хочет есть и вообще замерз.

– Жди, ненасытное брюхо, я принесу тебе дичь на кончике копья! – пригрозил, осердясь, охотник.

А Рик подошел к девчонке, безглаголиво пнул легкоступом в облезлую барсучью шкуру, прошитую сухожилием.

– Бросим или уьем? – спросил он брата.

– И съедим! – радостно кивнул Чун.

Рик несильно ударил кулаком в тощую грудь глупыша.

– Запомни, Чун! Беркуты не едят крыс со змеиными хвостами! Они живут в воде, и кровь у них зеленая и пахнет тиной.

– Это у тебя кровь зеленая, пестрый падалыщик! – заорала вдруг девчонка, ловчась сбить путы о землю. Но охотничий потяг держал крепко. – Развяжи мне руки, птенец-заморыш!

Рик побледнел от бешенства, а Чун громко засмеялся, тыча в него грязным перстом: «Птенец-заморыш! Птенец-заморыш...» И тут же получил от брата то, что совсем не зовется лакомой костью.

– Я выключу ей глаза! – визжал Рик не хуже девчонки. Но тут же повис над землей, извиваясь в руках Убейтура.

– Не тронь! Дичь должна быть живая...

– Она назвала меня Заморышем!

– Откуда ей знать, что так тебя кличут в стойбище Беркутов? Станешь добытчиком – получишь новое имя.

Он поставил Рика на траву. Рик еле сдерживал гнев, худые черные пальцы сжимались в когти.

– Два Беркута ссорятся – дичь свободна! – предупредил Убейтур.

Он приподнял связанную девчонку, поставил ее на тонкие ноги. Потом резво приставил к ее глазам наконечник копья и тихо, но грозно сказал:

– Мое копьё летит быстрее любой Крысы! Не вздумай бежать!

Девчонка вжала голову в плечи и, к удивлению братьев, даже не завопила как следует. Только скрутила за спиной маленький грозный кулачок, – хороша защита! – а братьям бросила, что Крысы хитрее Беркутов, потому что знают землю и воду! А Беркуты – одно небо.

– Вперед, змеехвостка! – перебил Убейтур. Он подтолкнул девчонку наконечником. – Помни: мое копьё ближе, чем

твои сородичи.

Первая вступила она в гущу высокой травы и, к изумлению Рика, совсем не боялась неожиданных встреч. Еще Рик отметил, что лоб ее наискось когда-то перехлестнула горящая ветка.

– Она идет с нами? – спросил он.

Убейтур загадочно усмехнулся. Он схватил выростка за плечо и шепнул в самое ухо:

– А зачем мы привязываем рябчиков к лисьим самоловам?

И Рик понял. Хитро сощурившись, он подмигнул брату: ловко придумано! Живая приманка для ядозуба – и Беркуты целы! Вот почему они гонят ее впереди, первый погибает быстрее. И нет спасения от яда желто-черных копошащихся гадов.

Девчонка вдруг заохала. Убейтур подошел и стал осматривать ее ногу.

– Крысы хитрые, а Беркуты – хитрее! – сказал он насмешливо. – Только куропатки, когда гнезду угрожает опасность, убегают с повисшим крылом, притворяясь подранками.

И девчонка зло встала на обе ноги. Только шрам потемнел.

Убейтур приказал младшим идти «как позвонки в хребте»: сородич за сородичем. «Почему Крыса не кричит, не жалуется, не плачет? Испугалась? Не похоже, чтоб очень. Наши крутени вопили бы не переставая... А эта молчит, хотя язык

и глотка на месте. Странно», – подумал он.

Пленница упрямо рассекала плечами траву.

– Как тебя зовут?

Она обернулась, черные, как лесные ягоды, глаза ее сверкнули зло и непримиримо.

– Когда дичь становится добычей – ее имя не спрашивают!

Убейтур чуть не прихлопнул ее копьём. Наглая, дерзкая, мерзкая Крыса!

Он только заметил, наслаждаясь ее беспомощностью:

– Когда ядозуб будет душить тебя в своих могучих жилищах – вспомни, чью пещеру занял твой род!

Девчонка сразу остановилась. К радости Беркутов, страх ожил на ее лице и зрачки заметались в повальном испуге. А шрам слегка побагровел.

– Водяные Крысы никогда не жили в пещерах! – заметила она глухо. – Как завещал Предок, они строят дымоставы на берегу Озера Белых Птиц. Большая Вода снесла шалаши, а потом съела почти все озеро. На озере есть остров: там живут Утки и Селезни. Когда Большая Вода съела озеро, Селезни сели в глубокие бревна – и сказали: «У нас погибли все матери, остались старухи и глупыши; дайте нам жен! За этой долиной есть Опушка Серых Кроликов: там наши полуродичи». И Селезни стали гнаться за нами – и убивать нас...

Она всхлипнула совсем по-крысячьи и, развернувшись, молча двинулась вперед.

А Убейтур рванулся за ней. Побелевшими пальцами он

занес копьё!

– Ты сказала – род Кролика? За этой доли-ной?.. Значит, есть другая тропа, где нет ядозубов?! И Крысы будут ждать нас у Кроликов, в засаде, да?

Он схватил ее за плечо и швырнул в гущу полеглой травы.

– Мы убьем тебя прежде, чем Крысы успеют выщипать нам перья!

Увидев над собой вознесенное острие копья, девчонка завизжала, да еще как! На всю долину и до еловых скал впридачу.

Чун глядел на нее с восхищением, а Рик заткнул уши.

– Не-е-ет! – верещала Крыса, суча свободными от потяга ногами. – Нет другой тропы! Сами бежали от Селезней, как от лесного огня! И Кролики нас не пустили! И еще они сказали, что Большая Вода унесла мертвую Беркутиху, и род Беркута погиб на летней кочевке, а пещера их пуста.

– И ядозубы вас не тронули?

– Они ушли из своих нор. Большая Вода выгнала их!

Убейтур опустил копьё.

– Встань, – сказал он, оглядываясь. – Трава поднялась – и ядозубы вернуться.

Заметив, как неловко она пытается подняться, он достал из-за пояса кремневый нож с рукоятью из оленего рога, оплетенного жилами, и перерезал узел.

Только сейчас он увидел, как затекли ее кисти: красно-бурые, что ноги у молодого аиста.

– Иди вперед. А про копьё – помни.

– Брат! – позвал Рик, еле успевая за широкими ногами охотника. – Чун есть хочет.

«Хитрец! – не сдержал охотник усмешку. – Все на брата сваливает».

Возле поваленного дерева Убейтур решил сложить крылья: все устали.

– Огня нет, – сказал он братьям. – Горючий камень остался в пещере.

И почувствовал, что очень голоден. И у братьев, конечно, тоже свело желудки. А вокруг не было даже самой мелкой дичи. Все, что отыскалось вокруг стоянки, – тушка полевой мыши, да и ту он откинул концом копья. И воды не было: в тревоге он забыл про олений желудок, с которым девчонка вышла за водой. Надо было прихватить его.

Пришлось ограничиться горьковатым луком, в изобилии росшим вокруг, да кислыми, умиряющими голод корнями. Убейтур оставил копьё, бесполезное в пустой долине, и стал глядеть, как остатки тумана втягиваются в узкое горло Ущелья Каменных Куропаток: отсюда его можно было прикрыть ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.